

**«Бессонница. Абай. Пасутся
табуны...»**

Интертекст

Мандельштам

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочел до середины:

Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,

Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи —

На головах царей божественная пена —

Куда плывете вы? Когда бы не Елена,

Что Троя вам, одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.

Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит

И море черное, витийствуя, шумит

И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Лермонтов (Из Гёте)

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

Пушкин

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Мандельштам

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Киршон (см.: «Ирония судьбы»)

Я спросил у ясеня: «Где моя любимая?»—
Ясень не ответил мне, качая головой.
Я спросил у тополя: «Где моя любимая?» —
Тополь забросал меня осеннею листвой.

Я спросил у осени: «Где моя любимая?» —
Осень мне ответила проливным дождем.
У дождя я спрашивал: «Где моя любимая?» —
Долго дождик слезы лил за моим окном.

Я спросил у месяца: «Где моя любимая?» —
Месяц скрылся в облаке — не ответил мне.
Я спросил у облака: «Где моя любимая?» —
Облако растаяло в небесной синеве...

Друг ты мой единственный, где моя любимая?
Ты скажи, где скрылась, знаешь, где она?
Друг ответил преданный, друг ответил искренний:
«Была тебе любимая, была тебе любимая,
Была тебе любимая, а стала мне жена!»

Я спросил у ясеня,
Я спросил у тополя,
Я спросил у осени...

Шекспир (в пер. Маршака +А. Пугачёва). Сонет 90

Уж если ты разлюбишь — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

Мандельштам

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни:
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке:
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну а в комнате белой, как прялка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала,
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена — другая — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны.
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

Блок

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века -
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь - начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.